

RU

Хайдеггер I и Хайдеггер II: о микропарадигмах в историко-философской науке

Перцев А. В., Циплакова Ю. В.

Аннотация. Цель исследования - выяснение обстоятельств, которые побудили М. Хайдеггера изменить направление философского поиска в начале 30-х гг. XX века. Авторы определяют необходимость перехода от деления творчества М. Хайдеггера на ранний и поздний периоды к рассмотрению периодизации творчества М. Хайдеггера, исходя из тематики его работ. Хайдеггер I разрабатывает социокультурный проект сохранения и трансформации немецкого духа, а Хайдеггер II сосредоточен на предельных онтологических вопросах. **Научная новизна** заключается в том, что указанный перелом в философии М. Хайдеггера рассматривается с точки зрения миропонимания самого мыслителя, исходя из задач, которые он сам для себя ставил. **В результате** исследования достигнута определенность в понимании побудительных причин философа для изменения направления его философского поиска, в частности, невозможности проведения университетской реформы в политической обстановке Германии начала 30-х гг.

EN

Heidegger I and Heidegger II: On Micro-Paradigms in Historical and Philosophical Science

Pertzev A. V., Tsiplakova Y. V.

Abstract. The study aims to shed light onto the circumstances which prompted M. Heidegger to change direction of his philosophical enquiry in the early 30s of the XX century. The authors determine the need for transition from dividing M. Heidegger's creative work into the early and the late periods to considering periodisation of M. Heidegger's creative work according to themes of his writings. Heidegger I works out a project dedicated to preserving and transforming the German spirit, while Heidegger II focuses on ultimate ontological issues. Scientific novelty of the research lies in the fact that the above-mentioned turning point in M. Heidegger's philosophy is considered with regard to the worldview of the thinker himself, on the basis of the tasks he set himself. As a result, certainty is achieved regarding understanding of the philosopher's reasons for changing direction of his philosophical enquiry, in particular, impossibility of implementing a university reform in political climate of Germany in the early 1930s.

Когда исследователь обращается к наследию или жизни того или иного мыслителя прошлого, чаще всего он начинает с устоявшегося образа, сложившейся конвенциональной «картинки» этого мыслителя. Каждая такая картинка формируется несколькими факторами. Прежде всего, личным опытом знакомства конкретного специалиста с трудами выбранного автора, а также академическим окружением – специалистами, преподавателями, актуальными публикациями по теме, неформальным обсуждением. Хотя, конечно, большинство исследователей полагает, что в реальной жизни взгляды, интересы философа не были статичными, поэтому единый образ начинает переливаться разными гранями.

Если говорить о сложившемся в научной среде образе Мартина Хайдеггера (1889-1976), то перед исследователями его работ традиционно возникают две подобных грани – «раннего» и «позднего» философа. Так, ранний Хайдеггер ассоциируется с увлечением Аристотелем, обучением у Э. Гуссерля и знаменитой работой «Бытие и время» (1927). А также с увлечением Парменидом, Гельдерлином и Ницше, вступлением в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП), ректорством во Фрайбурге, разрывом со многими коллегами. Поздний период не критично связан с послевоенными работами, например, «Письмом о гуманизме» (1946), полемикой с Ж.-П. Сартром, интересом к технике, вынужденным затворничеством. Какая из этих граней Хайдеггера настоящая – определить сложно.

Данная проблема выделения адекватных этапов творчества философа в контексте отбора магистрального корпуса его идей касается не только М. Хайдеггера. Точно также специалисты до сих пор спорят, например, об аутентичности работ Э. Гуссерля в разные периоды. Даже с представителями немецкой классической философии тоже не все ясно. Какой Гегель настоящий: тот, что написал «Феноменологию духа» (1805-06) или тот, что читал «Лекции по философии истории» (1822-1830)? Возможны разные точки зрения, различные подходы.

Актуальность этой проблемы связана с тем, что философское наследие М. Хайдеггера продолжает быть в фокусе внимания, включается не только в историко-философский, но шире – общегуманитарный и даже социально-политический контексты.

Исследователи Хайдеггера, используя его термины и «экзистенциалы», развивая его идеи по-своему, вольно или невольно отождествляют свое понимание освещаемой немецким философом проблематики с взглядами самого Хайдеггера. Часто подход к вопросам и ответам, которые предлагают проблемное поле и философский язык Хайдеггера, связан с мифологизацией и подменой исходной конфликтологии, с использованием старых и созданием новых теоретических штампов, не имеющих отношения к текстам философа. Мысли Хайдеггера стали предметом для дискуссии. В свое время что-то подобное произошло, например, с образами Платона или Ф. Ницше.

Чаще всего идеи Хайдеггера по-прежнему связывают с экзистенциализмом. Принято полагать, что С. Кьеркегор обрисовал все проблемы экзистенциализма и предложил их решения. Но он, как утверждается в учебной и справочной литературе, еще не имел четко определенного метода философствования, да еще и писал под десятком псевдонимов (носители некоторых из них отстаивали противоположные взгляды – например, Климакус и Анти-Климакус). По этим причинам нельзя считать, что С. Кьеркегор создал цельное философское учение; он создал лишь пред-экзистенциализм.

Создателем экзистенциализма как философского учения не может считаться, по мнению методологов от истории философии, и Карл Ясперс, хотя он, пусть и неуверенно, утверждает противоположное. В «Философской автобиографии» Ясперс пишет, что уже в своей книге «Психология мировоззрений» (1919) описал экзистенциализм как один из типов мировоззрений: «“Психология мировоззрений” является самым ранним произведением, где излагается та современная философия, которая впоследствии стала называться экзистенциализмом, философией существования. Интерес к человеку, забота мыслящего человека о себе самом, попытка быть предельно честным – вот что задавало тон всему. Здесь затронуты были почти все основные вопросы, которые позднее осознались со всей ясностью и были развернуты во всей широте: вопрос о мире – каков он для человека; вопрос о ситуации, в которой находится человек, и о его пограничных ситуациях, которых он не может избежать (смерть, страдания, случай, вина, борьба); вопрос о времени и о многомерности чувства времени; вопрос о развитии свободы при создании человеком самого себя; вопросы об экзистенции, о пути мистики и пути идеи, и так далее. Однако все эти вопросы были рассмотрены бегло, не в системе. Настрой и замысел книги были более широки, чем то, что удалось сказать» [10, с. 233].

Методологи от философии, которым важно разложить все по полочкам, считают главным недостатком книги К. Ясперса то, что она была признана самим автором *психологической*, тогда как они, методологи, ищут начало экзистенциализма как *философского течения*, а философию они представляют себе по образу и подобию гегелевской. В ней не должно быть литературной вольницы (в беллетристике осуществляет себя лишь инобытие философии в культуре), она должна быть изложена в отдельной книге, как некая связанная система представлений, причем эта книга должна недвусмысленно называться философской самим ее автором.

Всем этим требованиям, по мнению большинства исследователей, соответствует книга Мартина Хайдеггера «Бытие и время». Следовательно, именно с нее и начинается экзистенциализм как философия, а Мартин Хайдеггер выступает как истинный «родоначальник» этого течения в философии.

Правда, преподавательская общественность по публикациям западных хайдеггероведов уже в эпоху формирования образовательно-стандартных представлений знала, что содержание учения первых работ Мартина Хайдеггера значительно отличается от содержания его последних работ. По этой причине принято различать «раннего» и «позднего» Хайдеггера.

Первый, как утверждается, более был занят «человеческой» проблематикой, как и подобает истинному экзистенциалисту. А вот второй более увлекался проблематикой онтологической, бытийной, трактуя ее то ли в духе религии, то ли в духе мистики. Как отмечает Ж. Гронден, Хайдеггер, став «поздним», стал иначе выбирать слова: «Словарь трансцендентальной философии, вдохновленный неокантианством или феноменологией, исчез. Университетская манера речи приносится в жертву такому дискурсу, в котором больше поэзии, чем философии» [3, с. 13].

Будем исходить в этой статье из того, что указанное изменение ракурса в философии Хайдеггера (которое трудно отрицать) связано с его неудачной попыткой реформировать немецкие университеты. Для этого необходимо задать цель – внимательно изучить обстоятельства, которые привели Хайдеггера к сотрудничеству с НСДАП, побудили его стать ректором Фрайбургского университета. Далее необходимо также понять, что стало причиной его неудачи. Исходя из обозначенной проблемы и указанной ее актуальности, перед нами в этой статье стоят следующие **задачи**.

Сначала нам необходимо описать политическую обстановку в Германии во время выборов А. Гитлера рейхсканцлером, прояснить мотивы действий М. Хайдеггера в связи с его вступлением НСДАП. Далее нужно понять, что Хайдеггер намеревался изменить в программе А. Гитлера и партии, на какие идеи и традиции он намеревался опираться при реализации своих планов. И, наконец, разобраться, что стало причиной его отставки

с поста ректора и повлияло на изменение его философских взглядов. *Методы исследования*, которые мы для этого используем: историко-философский, герменевтический, контент-анализ.

Теоретической базой данной статьи стали самые последние значительные события в отечественном хайдеггероведении. Достаточно назвать только два из них, произошедшие в 2020 году. Первое – выход в свет фундаментального, почти 800-страничного труда А. В. Паткуля «Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера» [4]. Второе – публикация переведенного Э. Н. Сагетдиновым произведения из наследия М. Хайдеггера “Beiträgen zur Philosophie” [7]. Объем этой публикации тоже солиден (640 страниц). Сам факт публикации двух таких «фолиантов» – да еще в самый разгар кризиса, вызванного пандемией – говорит о сохранении в России интереса к серьезнейшей философии, несмотря на все попытки изжить ее и заменить «позитивными» дисциплинами. Объем только этих двух публикаций вполне сопоставим с объемом всех публикаций, которые были посвящены философии М. Хайдеггера в предшествующие десятилетия. Вполне объяснимо желание посмотреть, изменили ли они «устоявшееся», «образовательно-стандартное» представление об учении М. Хайдеггера и «экзистенциализме», представителем которого он был объявлен.

Спорная в толковании Хайдеггера как представителя философии экзистенциализма парадигма сложилась еще в те годы, когда в СССР были известны только некоторые произведения М. Хайдеггера – без всякой их связи между собой. Лишь немногие исследователи брались за их перевод *целиком*. Они же и стали первыми знатоками трудов М. Хайдеггера в России. Прежде всего, на этом раннем этапе следует отметить публикации В. В. Библихина, Н. В. Мотрошиловой, В. А. Подороги, В. И. Молчанова и других исследователей. Итогом понимания наследия Хайдеггера в СССР можно считать сборник «Философия Мартина Хайдеггера и современность» [6], в котором опубликованы работы вышеуказанных авторов. Там же были представлены статьи зарубежных исследователей: В. Анца, Фр.-В. фон Херманна, Х. Брунхорста, Ж.-Л. Нанси, Р. Рорти, В. Хёсле, О. Пётгелера, Дж. Уэйта.

Не до конца проясненный подход к работам Хайдеггера вполне можно объяснить: ведь собрание сочинений немецкого философа все еще неполное, хотя и насчитывающее уже 102 тома! – стало выпускаться “Vittorio Klostermann” Verlag (Франкфурт-на-Майне) только с 1975 года. Те, кто начинал изучать труды Хайдеггера в нашей стране, еще не могли себе представить всех поворотов, которые проделала его мысль, поэтому для решения тех задач, которые поставлены в нашей статье, будем опираться на работы О. Пётгелера и Р. Поле, непосредственно касающихся интересующего нас периода перелома в философии Хайдеггера 1932-1934 гг.

Практическая значимость статьи видится авторам в том, что в лекционной и образовательной деятельности фигура и произведения Хайдеггера будут менее спорными, позволят понимать изменения в философской деятельности философа более определенно. Также прояснение изменений в деятельности Хайдеггера может стать материалом для обращения к наследию Хайдеггера широкого круга специалистов-гуманитариев.

М. Хайдеггер умер в 1976 году, в возрасте 87 лет. Почему же фундаментальное собрание сочинений этого известного во всем мире мыслителя начали издавать только за год до его смерти? На это есть свои объяснения.

М. Хайдеггер, в отличие от других «представителей экзистенциализма», предложил свое сотрудничество не просто национал-социалистам, а самому А. Гитлеру, став при этом в 1933 году «вождем-ректором» Фрайбургского университета. Этот поступок М. Хайдеггера впоследствии не мог не создать горячей и многолетней полемики среди исследователей. Одни, как, например, В. Фариас в работе «Хайдеггер и нацизм» [11], доказывали, что Хайдеггер полностью разделял взгляды Гитлера, когда соглашался стать ректором. Другие, как Ф. Федые, называют подобный подход к Хайдеггеру «дурным рефлексом». В своей книге «Хайдеггер: анатомия скандала» Ф. Федые пишет: «Нет, статьи из журналов, резонаторы “эффекта Фариаса”, отличаются формальным характером: образ Хайдеггера как человека, который они распространяют – это образ существа, в самой сущности своей отмеченного Злом» [5, с. 23].

Публикация в 2014 году «Черных тетрадей», дневников Хайдеггера, усилила эту полемику [1]. Противоречивые высказывания философа, который явно воспринял первые действия новой власти как повод для того, чтобы перейти от произнесения речей к действительной реформе немецкого духа, подлили масла в огонь. Действительно, сложно однозначно комментировать такое, например, высказывание: «Колоссальным опытом и счастьем является то, что фюрер пробудил новую действительность, придавшую нашему мышлению правильное направление и ударную мощь. В противном случае оно при всей его основательности все же оставалось бы погруженным в себя и лишь с трудом нашло бы путь к воздействию <на людей>. Литературное существование закончилось» [8, с. 125].

Конечно, эти слова были написаны в 1933-м, а не, например, в 1942-м году. Тем не менее, надежда и ставка Хайдеггера на только что оказавшуюся у власти партию выглядит наивной. Можно было бы объяснить это тем, что многие интеллектуалы тогда оказались очарованы новой властью.

Мы исходим из того, что оценить этот поступок по достоинству невозможно, если не знать всех благих намерений, которыми была вымощена дорога М. Хайдеггера по направлению к аду.

Ректорство М. Хайдеггера длилось около года, начавшись весной 1933 года. В это время бесспорно главным политиком в Германии был рейхспрезидент Пауль фон Бенекендорф унд фон Гинденбург, сын прусского аристократа и потомок Мартина Лютера, считавшийся героем первой мировой войны за победы на Восточном фронте в 1914-1916 годах, которым он командовал в это время. В звании генерал-фельдмаршала он возглавлял в 1916-1919 годах Генеральный штаб. Когда после войны его вызвали на комиссию, призванную определить виновных в поражении Германии, он заявил, что Германия была недалеко от победы (вела бои под Парижем), но проиграла войну только из-за предательства в тылу, осуществленного подрывными элементами.

Имея славу преданного героя, фон Гинденбург был избран в 1925 году Президентом Веймарской Республики, а затем переизбран на второй срок в 1932 году. В результате шантажа, связанного с подарком фон Гинденбургу

как национальному герою выкупленного из долговой зависимости родового поместья, национал-социалисты добились назначения им А. Гитлера на пост рейхсканцлера (то есть премьер-министра). Это мотивировалось тем, что национал-социалисты стабильно собирают большинство голосов на выборах последних лет.

На парламентских выборах 5 марта 1933 года Национал-социалистическая немецкая партия собрала 43,91% голосов. Ближайшие соперники, социал-демократы, получили 18,25%, коммунисты – 12,31%, Партия Центра – 11,26%. То есть всего оппозиция собрала приблизительно столько же голосов (другое дело, что противники национал-социалистов отчаянно враждовали друг с другом). В условиях такого шаткого равновесия партия А. Гитлера пошла на коалицию с правоконсервативной Немецкой национально-народной партией (НННП), к которой до возникновения НСДАП принадлежало большинство консерваторов в Германии. Эта партия выступала за национализм в соединении с монархическими идеалами (партия национал-социалистов была «рабочей», то есть ориентировалась на социальные низы). На выборах прошлых лет НННП получала почти пятую часть голосов (в 1924 г. – 21%, в 1928 г. – 14%). Популистски-ориентированные национал-социалисты стремительно отбирали у нее голоса, а потому НННП решила вступить в коалицию с НСДАП. Расчет был на то, что «плебейской» партии нацистов потребуется интеллектуальная поддержка и респектабельность, и нацистов удастся обуздать и перевоспитать, удерживая от наиболее экстремистских акций. В результате в 1931 году возникла коалиция под названием Гарцбургский фронт, которую составили НННП, НСДАП и военизированная организация бывших фронтовиков «Стальной шлем» (впоследствии вошедшая в состав штурмовых отрядов). Проект «перевоспитания» партии Гитлера не удался. На выборах 5 марта НННП собрала всего 7,94% голосов, однако вошла как младший партнер в первое правительство Адольфа Гитлера, где получила столько же министерских кресел, сколько и представители НСДАП – три. Вскоре члены НННП вступили в НСДАП, а партия самораспустилась 27 июня 1933 года.

История НННП приведена нами здесь потому, что она дает представление о том, как национал-социалисты строили политику своих политических коалиций. Политических противников они уничтожали, но политиков консервативного толка, да еще и известных в стране, привлекали к сотрудничеству. Те, будучи обманутыми популистским имиджем НСДАП, надеялись обрести в этой партии интеллектуальное руководство, но железная партийная дисциплина не допускала никаких проявлений индивидуальности и творчества.

Все это и побудило Мартина Хайдеггера предложить сотрудничество нацистскому руководству в 1933 году. Считая себя лучшим философом в Германии, получив дважды приглашения работать в университете из Берлина, он собирался, с тайного одобрения своего друга К. Ясперса, *возглавить все университетское образование в стране*, а также подчинить своему интеллектуальному влиянию самого А. Гитлера, существенно поправив его взгляды. «Хайдеггер в 1933 году намеревался вести вождя» [14, S. 79] – так, как уверяет О. Пёггелер, выразился его бывший друг К. Ясперс, – правда, нигде не зафиксировав по понятным соображениям этого каламбура на бумаге.

Тем не менее, К. Ясперс выражал одобрение ректорской речи Хайдеггера. Он писал 23 августа 1933 г.: «Дорогой Хайдеггер! Спасибо за Вашу ректорскую речь. Очень приятно, что, прочитав ее в газете, я теперь познакомился с нею в подлинном варианте. Широта Вашего подхода к эллинизму вновь тронула меня как новая и одновременно совершенно естественная истина. Здесь вы едины с Ницше, с одной только разницей: есть надежда, что однажды Вы, философски интерпретируя, осуществите то, о чем говорите. Вот почему Ваша речь приобретает реальную убедительность» [9, с. 223-224].

Ориентируясь на воспоминания Ясперса в «Философской автобиографии», которая была написана через 20 лет после этих событий, М. Рыклин делает вывод о том, что письмо Ясперса «содержит скрытую иронию» [Там же, с. 18]. Возможно, это и так. Однако нельзя не заметить также и то, что слова о «реальной убедительности» речи Хайдеггера, явный акцент на действенной, преобразовательной стороне «эллинизма» Хайдеггера совпадают по тональности со словами Хайдеггера об «ударной мощи» и «воздействии на людей» из «Черных тетрадей».

Для М. Хайдеггера не было никаких авторитетов. Он с легкостью перетолковывал на свой лад все философские учения всех великих философов всех времен. Сравним, к примеру, вот такое его высказывание из рукописи 1936-1938 годов: «...λόγος Гераклита, *idea* Платона, *ἐνέργεια* Аристотеля, монада Лейбница, “я мыслю” Канта как “свобода”, “тождественность” Шеллинга, “понятие” Гегеля и “вечное возвращение” Ницше говорят одно и то же: бытие» [12, S. 299]. Как видим, М. Хайдеггер объявляет, что все основные понятия великих философов – «логос» Гераклита, «идея» Платона, «энергия» Аристотеля, «монада» Лейбница и пр. означают то же самое, что в его философии означает понятие «бытие». Так он, М. Хайдеггер, говорит о гениях философии. Что же тогда говорить о недостаточно образованных составителях политической программы национал-социалистов? Найти в ней ошибки и недостатки для Хайдеггера не составило никакого труда. Главным из них он счел идею расовой исключительности.

О. Пёггелер пишет по этому поводу: «Ректорская речь Хайдеггера и вышедшая в 1978 году книга К. Ясперса “Записки в связи с Мартином Хайдеггером” говорят только о том, что он хотел воспитывать будущих вождей – одна только формулировка и ничего больше... Хайдеггер ожидал от Гитлера, который стал рейхсканцлером и должен был обеспечивать единство нации, пересмотра того пункта партийной программы, которую сам Хайдеггер сразу же подверг критике: отказа от расовой идеологии и от программы превращения университетов в своего рода в высшие профессиональные школы. Приглашения на профессорские должности, полученные из Берлина и Мюнхена – так Хайдеггер писал 19 сентября 1933 Элизабет Блохманн – интересовали его не из-за университетов как таковых, которые уже давно мертвы, а из-за возможности приблизиться к людям, занимающим посты, на которых принимаются решения, и возможности подобраться к Гитлеру...

Аристократический университет, который так и остался утопией, в 1933 году казался вполне конкретной задачей, при этом для Хайдеггера речь шла не только о том, чтобы преобразовать собственный университет во Фрайбурге, скорее он хотел стать руководителем своего рода имперской академии преподавателей высшей школы и каждого, кто намеревался стать университетским преподавателем, подвергать краткосрочному воспитанию в своего рода монастыре, устроенном на новый лад» [14, S. 80-81].

При этом особое значение в такого рода «институте повышения квалификации» преподавателей немецкой высшей школы, по мнению Хайдеггера, должно было придаваться постижению глубинного смысла поэзии Гельдерлина. Тот, как известно, видел миссию Германии в том, чтобы возродить на немецкой земле античную Грецию как цитадель высочайшей науки и культуры.

Призыв штудировать Ф. Гельдерлина, который закончил свою жизнь, кстати, долгим сумасшествием, кажется у М. Хайдеггера особенно нелепым и утопичным. Однако к нему можно и нужно отнестись серьезно, особенно если прочесть недавно вышедшую в Германии книгу Р. Поле «Платон как воспитатель. Платоновский ренессанс и антимодернизм в Германии (1890-1933)» [13].

М. Хайдеггер ошибся в оценке А. Гитлера, он виделся философу человеком искусства, художником, который был не чужд высокой культуры. М. Хайдеггер рассчитывал оторвать Гитлера как от грубых мясников – торговцев, объединенных в штурмовые отряды, так и от инженеров, которые хотели деидеологизировать университеты и давать в них только политехнические знания.

В сущности, начало этому процессу «политехнизации» университетов с превращением их в высшие профессиональные школы заложил император Вильгельм II своей знаменитой речью, произнесенной на прусской конференции по проблемам школы в Берлине в 1900 году.

Р. Поле пишет: «...в своем памятном выступлении молодой кайзер потряс собравшихся филологов и преподавателей школ, произнес потрясающе ясную речь, как бы впервые официально выразив широко распространенное мнение гражданского общества, которое более не интересовалось академической культурой, а интересовалось все больше и больше техникой и торговлей – и выразил недоверие к только лишь формальному гимназическому образованию, а, тем самым, разжег еще больше те дебаты, которые уже начались в 70-е годы 19-го века и не только привели в 1901 году к прекращению фактической монополии на образование, которая принадлежала гуманистической гимназии, но еще и стали определять перспективу и заставили искать причины, оправдывающие занятия античностью. В своей речи на открытии конференции, которая должна была определить школьную политику всего рейха, Вильгельм подверг резким нападкам представителей гуманистической гимназии; по его мнению, они, как “*beati possidentes*” (“безмятежные владельцы”), сидели после 1870 года в своей гимназии, сведя все к чисто учебному материалу и к формальной гимнастике ума, утратив при этом из виду “образование характера и потребности жизни”. Из-за таких ложных целей преподавания, недостаточно подчеркивающих национальное, становится реальной опасностью и без того пагубное в глазах Вильгельма “перепроизводство образованных”, так как именно “абитуриентский пролетариат” чересчур легко дает себя обмануть и превратить в толпу “путаных, сбитых с толку улучшателей мира (*unklarer, konfuser Weltverbesserer*)”. Итак, вместо того, чтобы самостоятельно давать отпор социал-демократии или, по меньшей мере, формировать из молодых людей такой “материал”, с которым я (Вильгельм II) мог бы работать в государстве, чтобы быстро возглавить движение, гимназии держатся за бесполезные знания и устоявшиеся затеи – вроде сочинений по латыни. Руководствуясь всем этим, как мог заявить Вильгельм, исходя из собственных познаний, вряд ли можно выйти и чего-то достичь без “вспомогательных средств”: “Тот, кто сам был в гимназии и заглядывал за ее кулисы, знает, чего там не хватает. А там не хватает, прежде всего, национального базиса. Мы должны взять за основу для гимназии немецкое; мы должны воспитывать национальных молодых немцев, а не молодых греков и римлян”» [ibidem, S. 27-28].

Действительно, в среднем образовании Германии в конце XIX века – начале XX века доминировали гимназии, в которых огромное количество учебных часов, до 9 из 30 часов недельных, отводилось на классическое образование, на изучение древнегреческого и латыни, а также произведений культуры, созданных на этих языках. Затем такая же практика продолжалась в университетах. Считалось, что они формируют элиту страны, воспитывая государственных мужей (даже военные, заканчивая свои высшие школы, писали выпускное сочинение на латыни). Аргументация педагогов «гуманистических гимназий» сводилась к тому, что только изучение чего-то бесполезного позволит воспитать человека, дисциплинировать себя, приучит к упорству, научит мыслить систематично, привьет дисциплину уму и умение обуздывать свои чувства.

Американцы и англичане уже давно призывали делать упор на полезные и технические знания: это соответствовало позднепротестантскому послелоковскому стремлению быть счастливым, подражая абсолютно счастливому богу. Изучать полезное было нужно, чтобы достичь материального процветания, технического прогресса и комфорта. Изучая эти дисциплины, человек учился бы из эгоистических соображений, при этом хотел бы уменьшать «нагрузку» уже во время обучения, чтобы чувствовать себя счастливым и окруженным комфортом. Такого рода «учению с увлечением» немцы противопоставляли изучение классической культуры, которая была совершенно бесполезной в утилитарном смысле. Латынь, которую штудировали все гимназисты, отправляющиеся затем в университет, была абсолютно бесполезной в жизни. Она использовалась только в университетских диспутах, да аптекарями и врачами, причем рецепты писались по-латыни все реже и реже.

Примечательно, что после выступления императора в немецком образовании вовсе не произошел внезапный поворот, который называется в армии «все вдруг». Дело в том, что большой объем классических языков в гимназиях имел естественным следствием преобладание преподавателей этих языков в педагогических

советах и, соответственно, среди делегатов на учительских съездах. После выступления императора это лобби согласилось на компромисс. Были основаны так называемые «реальные гимназии», в которых вместо древних языков изучались естественные науки в их основах. Выпускники этих гимназий также были допущены в университеты, от чего их социальный престиж сразу же упал. Раньше управленческая элита в Германии рекрутировалась только из университетов, и, соответственно, ее представители давали своим детям такое же элитарное классическое образование.

После допуска в университеты детей представителей среднего класса и низшего слоя государственных чиновников социальный престиж учебы в университете резко снизился. Это привело к тому, что в Германии после первой мировой войны высшая элита создала для себя взамен «оплебеевшимся» университетам тайные общества, причем барьером, не допускавшим в их ряды всякого рода бывших «троечников», искавших «учение с увлечением», стали опять-таки классические языки.

Наиболее ярким из таких закрытых обществ был круг Стефана Георге, в котором преемником Платона был этот поэт, а окружение его старалось уподобиться платоновской Академии. Идеалом для таких людей были именно государственные мужи, которые формировались со временем из платоновских стражей: собственно говоря, у Платона речь шла вовсе не о правлении каких-то оторванных от жизни философов, а о правлении офицеров запаса, именно для их подготовки и была предназначена платоновская «Академия».

Следует отметить, что осуществивший покушение на Гитлера граф Шенк фон Штауфенберг принадлежал к членам этой воспитанной в классическом платоновском духе элите (к обществу «Тайная Германия»), которая старалась оградить себя от плебейской политехнической и массовой культуры.

Единственным недостатком «классического» гимназического и университетского образования в Германии была непригодность его к задаче сплочения немцев в единую нацию – так сказать, недостаток имперских масштабов в Древней Греции. Тут-то и должна была выручить идея Ф. Гельдерлина: великая Германия будущего будет хранительницей и преемницей высокой античной культуры во всемирном масштабе. Одноклассник Ф. Гельдерлина Г. В. Ф. Гегель решил ту же задачу иначе: он создал картину единой всемирной философии, которая начинается с древнегреческой, а заканчивается немецкой, обязательной к изучению всяким народом, который желает считать себя культурным.

М. Хайдеггер, в отличие от национал-социалистов, видел будущее Германии в распространении не только знаний, но и этики классического университета на все слои общества. Именно образованием, которое основано не на «учении с увлечением», а на преодолении трудностей, самодисциплине, авторитете наставника, и должна была держаться немецкая держава. Из университетов эта этика сурового академического консерватизма будет спускаться в школы, а далее распространяться на предприятиях и в организациях. Новые университетские преподаватели – доценты – должны быть патриотически настроены на новый лад. Этим преподавателям, переподготовленным М. Хайдеггером в его «монастыре повышения квалификации доцентов», и надлежало осуществить «консервативную революцию», вернуть в общество, развращенное Веймарской республикой, уважение к образованию и школьной строгой дисциплине. Изучать надо не полезные и не развлекающие предметы, а совсем иные, бесполезные для современности, вроде античных языков. Именно штудирование латыни и древнегреческого языка в гимназиях Германии использовалось для формирования дисциплины у будущей государственной бюрократии. Как раз этому посвящены многие его тексты до и во время ректорства. «Народ в этих текстах рассматривается как Dasein, имеющее судьбу и способность решать в соответствии с возможностью, которую ему предоставляет фюрер», – указывает Л. Гольдман [2, с. 266].

М. Хайдеггер развернул в 1933 году бурную деятельность, которую детально проследил по архивам историк Фрайбургского университета Хьюго Отт. О. Пёггелер пишет об этом: «Согласно опубликованным Оттом документам, Хайдеггер не только выступил со своей ректорской речью 27 мая, но и уже 20 мая в телеграмме Гитлеру высказывал просьбу отложить прием руководства корпоративного объединения немецких высших школ до того момента, когда руководство Союза высших школ не будет приведено в соответствие с восторжествовавшей идеологией, что особенно необходимо именно здесь» [14, S. 213]. Таким образом, ректор Фрайбургского университета попытался сразу же проявить активность на уровне всего рейха, а именно, установив непосредственный контакт с самим Гитлером (который, однако, не нашел необходимым свести с Хайдеггером близкое знакомство). Единственное, что смог «пробить» Хайдеггер на своем важном посту, так это баденский Временный устав университета от 21 августа, согласно которому ректор назначается без участия университета, как его вождь (фюрер). Хайдеггер знал, что значит быть вождем. Вождь – это, с одной стороны, спаситель от бедствий и от распри, а с другой стороны – тот, кто ничего не «выпрашивает» у своего народа, а ставит его в ситуацию жизненного выбора и поручает ему исполнять то, что ему определено. Разумеется, Хайдеггер отправил прошение в Берлин, но как раз для того, чтобы на свой собственный лад, из «провинции», «подготовить единое построение будущей общенемецкой конституции высшей школы (как вновь назначенный вождь-ректор сообщил 2 октября доцентам)» [Ibidem, S. 216].

Затея с переучиванием университетских доцентов (со всех факультетов!) в столице, чтобы они усвоили идеологически верную философию, разработанную М. Хайдеггером, не удалась. Ему дали понять прямо во Фрайбурге, что даже если бы удалось «перевоспитать» самого фюрера в духе такого переосмысленного в правый консерватизм «авторского» фашизма без национализма, партия будет руководствоваться своей программой, а все «перевоспитанные», независимо от занимаемых постов, будут из нее изгнаны.

По мнению О. Пёггелера, работа «Бытие и время» действительно сделала М. Хайдеггера известным не только в Германии, но и в мире. Однако он оценивает эту работу как, скорее, заявку на создание новой

философии, чем как фундаментальный труд, в котором все расставлено по своим местам. «Когда в “Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung” в 1927 году было опубликовано “Бытие и время”, это сочинение оказало воздействие, подобное удару молнии (как не замедлил констатировать Георг Миш). По его мнению, весь ландшафт философии вмиг осветился так, что стало ясно: философствование больше не может оставаться там, где оно когда-то обосновалось. Однако “Бытие и время” осталось незаконченным. Сочинение должно было состоять из шести разделов, но из них было опубликовано только два первых, которые имели, скорее, вводный характер. Несмотря на это, предложенное читателям скоро стало восприниматься как завершённое произведение. Хайдеггер и сам с 1929 года отдавал себе отчет в том, что не может завершить начатое – что ему, скорее, придется искать новый подход» [Ibidem, S. 11].

В 1927 году, когда была опубликована работа «Бытие и время», Мартину Хайдеггеру было 38 лет. Можно ли называть в это время философа «ранним»? (Он, кстати, уже был десять лет как женат на своей первой студентке, у него было двое сыновей.) Ректором М. Хайдеггер стал в 44 года. Был ли он еще «ранним», если строил такие авантюрные планы: переучить всех доцентов на энтузиастов, внедряющих в жизнь идеи Ф. Гельдерлина? Или он уже был «поздним», хотя проводил в своем загородном домике, купленном в Шварцвальде (Темном лесу) по настоянию жены Эльфриды, большой любительницы катания на лыжах, нечто вроде студенческого лагеря для своих сторонников с военизированным распорядком жизни и выносом флага?

Возможно, лучше будет говорить о Хайдеггере I и Хайдеггере II, потому что радикальный поворот в его жизни и в мыслях (точнее, умонастроениях) у него все же случился. Резоннее всего датировать этот поворот именно 1936-1937 гг. Нацисты отвергли предложение коалиции с консервативно настроенными университетскими кругами (на условиях отказа от идеи расового превосходства). Массы, на которые они ориентировались, не вдохновляла идея диктатуры преподавателей как «носителей высокой культуры» над всеми жителями страны и превращение всех предприятий, организаций и заведений в подобия светских суровых монастырей, где будут только учиться, учиться и учиться, «грызя гранит науки» без всякого удовольствия, в надежде снова достичь высот античной культуры.

М. Хайдеггер был отстранен с поста ректора и удалился в домик на горном склоне в Тоднауберге. До ректорства он принадлежал к региональной Партии виноградарей (в НСДАП он вступил только в первые дни ректорства). Теперь он вернулся к псевдокрестьянской жизни: одевался в крестьянские, как он полагал, одежды, носил воду эмалированным ведром, в общем, вел себя как типичный российский писатель-«деревенщик». Члены Партии виноградарей вдохновлялись красивой и поэтичной программой, выдержанной в духе мифа. Есть Мир и есть Земля. Под воздействием Мира из темных недр Земли вырастает росток, будущая виноградная лоза. Потом приходит человек, чтобы ухаживать за ней и сделать из винограда вино. Если пролить его перед началом возлияния-дегустации на землю, это будет жертва богам, на которую они непременно откликнутся и вернуться, чтобы говорить с людьми, которых они покинули. Не обойдется без споров, конечно, но именно в таких «выяснениях отношений» и определится Истина пра-бытия. Все это и изложено в учении о Четверице (das Geviert).

В сущности, в этом и состоит поворот от мышления университетского к мышлению почвенническому, псевдокрестьянскому, хотя и основанному особым, понятным университетскому люду, но экзотическим, псевдонародным языком. Но с метафизикой будет покончено навсегда. На ее место должно заступить «постижение смысла» (“Besinnung”), то есть мышление, соответствующее истории бытия – и даже *предыстории* бытия.

Надо будет вернуть самое изначальное пра-бытие (Seyn) из забвения. Это станет делом Грядущих. Хайдеггер II видит себя их предвестником-пророком.

Как изящно описывает это О. Пёггелер: «Обнаружив себя вновь свергнутым в свою философскую работу, Хайдеггер написал в 1936-1938 годах свое второе главное произведение – “Доклады к философии” (“Beiträge zur Philosophie”). Он не говорил об этой работе даже в самом тесном кругу своих учеников; без сомнения, он тогда не мог и думать о ее публикации – ведь он, например, отверг в ней господствующую идеологию – расовое безумие – как “чистый идиотизм”» [Ibidem, S. 11-12]. М. Хайдеггер уже был лишен поста ректора как «вождя университета», но выйти из рядов НСДАП до 1945 года было бы равносильным самоубийству, тем более, что за М. Хайдеггером как заметной фигурой, бывшим ректором, была установлена слежка. Оставалось философствование в провинции, перемежаемое блужданиями по дорогам, ведущим в чащу леса за дровами.

Итак, в качестве **вывода**, можем констатировать, что Хайдеггер II начинается в 1936-1938 годах (в 47 лет). Изменение в проблематике, трансформации стиля писания связано с невозможностью для философа продолжать ту же линию, которую он развивал, когда руководил университетом. Факторы слежки и необходимости сохранять отношения с властями повлияли и на уход Хайдеггера от общественной жизни и необходимость установки фильтров относительно тем и терминов. Изменение связано не с возрастом или постепенным отказом от одних тем в пользу других, как это бывает, когда говорят, например, о раннем или позднем Канте, Гегеле, Гуссерле или любом другом философе. Изменение связано, прежде всего, с конкретным событием профессиональной карьеры Хайдеггера.

Однако обновленный Хайдеггер начинает с грандиозного комплекса сочинений, который насчитывает (в печатном виде, в виде томов выпущенного издательством “Vittorio Klostermann” собрания сочинений) около 2000 страниц. На этих страницах излагается нового типа философия – «постижение истории бытия». И на первом месте здесь «Доклады к философии (О событии)» (“Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)”). Именно это произведение необходимо исследовать в дальнейшем, чтобы разобраться в характере изменений философии М. Хайдеггера.

Список источников

1. Глухов А., Кралечкин Д., Куренной В., Маяцкий М., Чубаров И. Новая ясность в деле Хайдеггера: круглый стол // Логос. 2018. № 3. С. 205-230.
2. Гольдман Л. Лукач и Хайдеггер. СПб.: Владимир Даль, 2009. 292 с.
3. Гронден Ж. Поворот в мышлении Мартина Хайдеггера. СПб.: Русский мир, 2011. 252 с.
4. Паткуль А. В. Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. СПб.: Наука, 2020. 810 с.
5. Федье Ф. Хайдеггер: анатомия скандала. СПб.: Владимир Даль, 2008. 256 с.
6. Философия Мартина Хайдеггера и современность / под ред. Л. В. Пеняевой. М.: Наука, 1991. 253 с.
7. Хайдеггер М. К философии (о событии) / пер. с нем. Э. Н. Сагетдинова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 640 с.
8. Хайдеггер М. Размышления II-VI (Черные тетради 1931-1938) / пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.
9. Хайдеггер М., Ясперс К. Переписка 1920-1963 / под ред. Н. Федоровой; пер. И. Михайловой. М.: Ad Marginem, 2001. 416 с.
10. Ясперс К. Философская автобиография // Перцев А. В. Рождение экзистенциализма из пены психиатрии. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 340 с.
11. Farías V. Heidegger and Nazism / transl. by P. Burrell, G. R. Ricci. Philadelphia: Temple University Press, 1989. 349 p.
12. Heidegger M. Gesamtausgabe. III. Abteilung: Unveröffentlichte Abhandlungen - Vorträge - Gedachtes. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1997. Bd. 66. 407 S.
13. Pohle R. Platon als Erzieher. Platonrenaissance und Antimodernismus in Deutschland (1890-1933). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2017. 401 S.
14. Pöggeler O. Neue Wege mit Heidegger. Freiburg (Breisgau) - München: Alber, 1992. 494 S.

Информация об авторах | Author information**RU****Перцев Александр Владимирович¹**, д. филос. н., проф.**Циплакова Юлия Владимировна²**, к. филос. н., доц.^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург**EN****Pertzev Alexandr Vladimirovich¹**, Dr**Tsiplakova Yulia Vladimirovna²**, PhD^{1,2} Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg¹ j.ceplakova@gmail.com, ² apertzev@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 12.10.2020; опубликовано (published): 30.12.2020.

Ключевые слова (keywords): М. Хайдеггер; экзистенциализм; немецкий университет; немецкая философия; бытие; M. Heidegger; existentialism; German university; German philosophy; existence.